

Олег РЯБОВ

Нижний Новгород

Одиночество

1

Ты – босиком, а я как будто сплю.
Ты босиком выходишь на крыльцо
А я тебя по шорохам ловлю,
Твое дыханье и твоё лицо.

Твоё тепло хранит твоя подушка,
Еще зовет тебя твой телефон,
Который никому уже не нужен –
Ты знаешь, это очень не легко:

Всё позабыв, принять твой новый образ,
Как тень, как звук, как память, наконец.
Ах, как хотелось вместе! Помню, оба
Мы шли с тобою вместе под венец.

Зачем-то ты меня опередила,
Оставив мне сомнения и боль,
И кто бы мне чуть-чуть прибавил силы,
Чтоб легче было справиться с собой.

<...>

4

Прикурю от солнца сигарету,
Зачерпну из облака вина
И рвану гулять по белу свету,
Прыгнув из открытого окна, –

Только не почувствую полёта,
Грохнусь оземь родную свою.
Там, в сырой земле ты ждёшь кого-то –
Может, душу грешную мою?

Что тебе теперь мои заботы?
Ты теперь не плачешь? Хорошо!
Ждёшь меня? Или ещё кого-то?
Я приду – иду пока ещё!

Замер мир в безмолвном ожиданье,
Ты теперь вне времени – увы.
Май гудит вишневыми садами,
Небо дразнит соком синевы.

5

Разбудит дремавшую заводь
Трофейная щука хвостом,
И будут сегодня и завтра,
И будут сто лет, и потом,
Откуда и не обернуться,
Но будут цвести не тужить
Шиповник и желтые блюдца
Кувшинок в прибрежной глуши.

Не думая сильно о сроках,
Забыв свои зимние сны,
Надсадно трезвонит сорока,
Бьёт дятел колоду сосны.
Гуляет глухарь по дороге,
Не думая, дальше как жить.
Чтоб облако клювом потрогать,
Взбираются в небо стрижи.

Где взять мне уверенность эту,
Продравшись в их искренний мир,
Без мыслей про нашу планету,
Стать снова собою самим?
Но что-то тревожит мне память –
Что будет, настанет зима,
Мы печки растопим дровами,
И будем мы вновь зимовать.

6

Какое холодное лето,
Какая густая печаль –
Привычно горчит сигарета,
Горчит одиночеством чай.
В окошко стучит безнадёжность,
И не у кого попросить
Таблетку от боли, от дрожи,
И от истощения сил.

Рустам МАВЛИХАНОВ
Салават

Кто ты?

Бронзовый лик, оловянное тело.
Кто видит то, у чего нет предела?

Взгляд высекает звёзды, как искры,
Градом комет бесконечного зикра.

Кто ты? Кто смотрит моими глазами
В лик свой и тьму нарушает волнами
Жажды творенья, познания дрожью,
Истиной, раями, адами, ложью?

Прыгнуть бы нам с золотого чертога...
Но невесомость.
И Свет у порога.

Комета

Я – запятая в Книге Бытия.
Меж звёздных строк я хвост коня, что блед.
Мне Солнцем предназначено сиять,
Как тишине над пустотой бесед.

Мой всадник – Смерть, но не окончен текст,
Где дрожь земли, людей и знак чумы.
Мы формой полумесяц, духом – крест.
И в перстне вправленный алмаз – то мы¹.

Евгений ХАРИТОНОВ

Белгород

Прифронтовой город

Пустые кварталы. На окнах кресты
Из старой газеты и скотча.
Темнеет. И скоро из той темноты
Снарядами смерть захохочет.

Вновь городу будет всю ночь не до сна –
Нет смысла гадать на ромашке.
Вот первые взрывы и стонет стена
Измученной пятиэтажки.

А рядом воронки обугленный след –
Автограф резвящейся смерти.
Об этой войне будут тысячу лет
Рассказывать детям, поверьте.

¹ Отсылка к рубаи:

Мы цель создания, смысл его отменный,
Взор Божества и сущность зрящих глаз.
Окружность мира – перстень драгоценный,
А мы в том перстне – вправленный алмаз.

Омар Хайям, перевод К. Бальмонта.

Русский мир

*Моему другу, добровольцу
СВО из Белгорода с позывным
«Масел»*

Нелегка у России дорога,
За войною приходит война.
Русский мир под защитой у Бога,
Как и было во все времена.

Вышло время излишнего трёпа,
Вновь страна призвала мужиков.
Не впервой нам смотреть из окопов
На бескрайнюю гарь облаков.

Мы вернёмся, уставшими, правда,
От бессонных ночей под огнём.
Ни сегодня, родные, ни завтра,
Но придём, непременно придём!

Не встречайте нас, грешных, пирами,
Не тревожьте слезами из глаз.
Мы, поверьте, воспримем дарами
То, что ждали и верили в нас!

Ни к чему нам все почести эти,
Нам бы только покоя глоток.
И чтоб все эти сукины дети
Зазубрили от русских урок!

Петр РОДИН

Воскресенское, Нижегородская область

* * *

Назревала гроза.
Над Ветлугой две чёрные тучи,
Как Перуна глаза,
Всем ударом грозили могучим.

Вовсе не рокотал,
А с сухим, оглушительным треском
Гром дерева ломал –
Мне казалось, в глухих перелесках.

Молний огненных стрел
Даже мышка в норе опасалась.
А я всё же успел
Лечь под лодку. А что оставалось?

Не испуг, а восторг
Охватил мою душу, поверьте.
А ведь ОН бы вот смог
Погасить и все войны на свете!

* * *

Уходят дни весны цепочкой в лето.
Гирлянды одуванчиков смели
Два майских ливня. На Ветлуге где-то
Две лодки оказались на мели.

У той деревни, у того причала,
Где детство босоное моё
Старушка-ива на ветвях качала,
Где и сейчас соловушка поёт.

И где тот плот – ворота от сарая –
И парус из плащовки первый мой?
Из-под него я заскользил, ныряя,
В большую жизнь, как в омут головой.

...Щедра же наша память на услуги.
И где вы, легкокрылые мечты?
Приеду я. На берегу Ветлуги
Найду избу, где оставалась ты...

Андрей БОНДАРЕНКО

Клинцы, Брянская область

Пчела

На вылете из жёлтого цветка
(Сказал бы вам название, но как?
Все жёлтые цветы одной природы:
конфет «Шипучки» фабрики Roshen,
опустошенного рожка на «калаше»,
шкворчащего закатом небосвода...)

Итак, на лепестковой полосе,
как на горячем бархатном шоссе,
на тычущем в безвариантность пальце,
пчела встряхнула пыльные мешки
смешно нахохлилась на краешке – и
пчела упала

избыток щёкотных щетинных ног
ей не помог
ни избежать, ни защититься, но

закувыркавшись в спелом и тягучем
(таким бывает перед ночью день,

и отработанная жижица в движении,
и на ожоге оплывает жир барсучий)
слюда тряслась и билась звонким боем,
проваливаясь в голубое

обрушиваясь в синее, как в счастье
небесных сумасшедших астр
и бархатцев – ей место только там
Пчела не может попросту упасть,
и стать землёй чужой и хлебородной.
Она не для того, чтоб ты потрогал.

нет не сейчас

* * *

Как с антресоли падает на стул
подшивка старых дедовских журналов,
ты так же ухнула в сугроб, с таким же шумом:
глухим, скрипучим и каким-то жалким.
Секунду можно думать, что уснула,

когда б не этот изумленный взгляд.
И тут же, каждый на особый лад,

хочочем до икоты, до простуды.
Не сможешь увернуться, и я сверху
в тебя, в сугроб и в память упаду.

Мне не понять, в каком это году,
и некого спросить, чтобы проверить.

Лейла ОРЕН

Нижний Новгород

Из цикла «Бездонные небеса»

Посвящается Вадиму Месяцу

*Сердце, в котором исчезло
желание обладать чем-либо, –
это бездонные небеса, проясни-
вшиеся после ненастья.*

Хун Цзычен

* * *

Считаю со страниц пометки прошлого,
Сгребу в кулак осколки, словно крошево,
Засуну их в невидимый карманчик,
И в путь, и вдаль – туда, где всё иначе.

Где давние напевы и черты.
Где поля тишь. Где снова ты стоишь.
И явь не замалюет чёрным рты.
Где снятся сны. Где долго снятся сны.
Где снова ты. Где снова я и ты.

* * *

Спустя пять лет иль просто рукава,
Я думаю: права иль не права
Притворная правдивость, диво чар
И дом, в котором вечер ты встречал.
И чай к полуночи – и снова получи
Поток привычных мыслей и событий
И бытиё. Твоё. Или моё.
И новое нелепое открытие –
Как жар, как дар, как парные скачки
Времён, давленья, временных прелюдий.
И вехи – как разрозненные люди,
Червей нанизывающие на крючки.

Кольшутся у окон занавески,
Прикрыв от взгляда проблески тепла.
Не верь, что догорело всё дотла –
Лишь линия распалась на отрезки.

И первое с начала. Иль с конца
Не позволяет разглядеть лица.